

Хрисанф

**Характер протестантства и
его историческое развитие**

Выпуск 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Х93

Х93 **Хрисанф**
Характер протестантизма и его историческое развитие: Выпуск 1-2 / Хрисанф –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 224 с.

ISBN 978-5-518-10226-2

ISBN 978-5-518-10226-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА НАЧАЛА ПРОТЕСТАНТСТВА ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБНАРУЖЕНІИ.

Реформація XVI вѣка есть дѣло нѣмецкой націи по преимуществу. Идеи Лютера охватили собою всѣ почти страны Европы и въ настоящее время принадлежатъ не Германіи только, а и Швеціи, Даніи, Англіи и т. д.; но инициатива ихъ вышла изъ духа германскаго племени, ихъ отечество доселѣ въ тѣхъ же нѣмецкихъ странахъ, представителемъ которыхъ служилъ Лютеръ. Въ Германіи зародилось то сильное религіозное движеніе, результатомъ котораго было появленіе самого Лютера. И не будь этого Лютера,—не успѣй онъ въ своихъ намѣреніяхъ, не успѣлъ бы и Кальвинъ въ Швей-

царіи, не явился бы и Ноксъ (Кнох) въ Шотландіи и т. д. Здѣсь источникъ и всего дальнѣйшаго развитія протестантства для всей остальной Европы, — здѣсь до конца раскрыты и выяснены начала Лютера и Меланхтона; здѣсь и въ наши дни подняты вопросы о необходимости продолженія и обновленія реформаціи XVI вѣка, вопросы такъ важные для всего протестантскаго міра; здѣсь до послѣдняго времени было убѣжище той новой своеобразной богословской науки, которая явилась со времени реформаціи и раскрылась подъ вліяніемъ ея началъ. Словомъ, — ни одинъ народъ Европы не усвоилъ и не понялъ такъ широко религіознаго движенія XVI вѣка, какъ тотъ народъ, который указалъ на него другимъ народамъ и первый открылъ борьбу за новыя религіозныя начала. Для протестантскаго міра Германія тоже, что Римъ для католичества.

Итакъ, мысль о реформаціи воспиталась и раскрылась на германской почвѣ.

Характеръ германскій достаточно выяснился въ исторіи и хорошо извѣстенъ. Это — типъ сухой, разсудочной дѣятельности и отвлеченнаго, формальнаго мышленія.

Германія—это страна науки; — безъ этого она не мыслима: такой чистой, безкорыстной любви къ умственной дѣятельности не было ни у одного народа; самая мысль о любви къ наукѣ для науки—есть чисто нѣмецкая мысль. Но особенно нужно сказать это о наукахъ отвлеченныхъ, философическихъ. Другіе народы доселѣ только рабски слѣдовали въ философіи за германскими мыслителями. Самое искусство здѣсь носить тотъ же отвлеченный характеръ. Гете и Шиллеръ—эти, какъ называютъ ихъ, поэты мысли, родились въ Германіи. Въ самой методичности нѣмца въ жизни, методичности, которая вошла въ поговорку, проглядываетъ тотъ же синтезъ, та же сухая разсудочность. Не даромъ Гегель, для котораго мысль была божествомъ, говорилъ, что духъ философіи опочилъ по преимуществу на Германіи, что она страна идей и т. п. Нѣмецъ далеко превзошелъ Грека въ стремленіи къ отвлеченію. Отвлеченность Платона и Аристотеля пронападаетъ въ сравненіи съ отвлеченною мыслию Нѣмца о какомъ-то абсолютномъ «ничто». И, что особенно характеристично въ нынѣшнемъ Нѣмцѣ,—не смотря на всю свою отвлеченность,

онъ легко уживается со всякою дѣйствительностію. Изъ Германіи по преимуществу выходятъ такъ называемыя либеральныя идеи, но сама Германія оставалась и остается болѣе спокойною, чѣмъ другія страны. Другіе народы стремятся осуществить въ дѣйствительности ихъ теоріи и измышленія, а германскій народъ какъ будто считаетъ своею задачею только мыслить за другихъ, предоставляя дѣйствовать этимъ другимъ. Въ этомъ мы видимъ—съ одной стороны — чистую отвлеченность нѣмца, отрѣшенную отъ жизненныхъ стихій, съ другой—какъ бы отрицаніе въ немъ самомъ истинности, объективности своего отвлеченнаго мышленія, какъ крайности, которая хороша только въ идеѣ, но не въ дѣйствительности.

Мы остановились на этой характеристикѣ нѣмецкой націи,—потому особенно, что сами нынѣшніе Богословы Германіи не обходятъ вопроса о характерѣ нѣмцевъ въ вопросахъ о своемъ протестантствѣ; только, какъ и естественно ожидать, нѣсколько иначе понимаютъ свою историческую задачу. Вотъ что говоритъ на этотъ разъ Шенкель въ своей книгѣ «О реформаціи и

реформаторахъ» (1). «Носителями и выразителями нравственнаго развитія въ Европѣ служатъ по преимуществу три націи: англійская, французская и нѣмецкая. Англичане развиваютъ идею государственной жизни въ формѣ разумной политической свободы, французы стремятся достигнуть возможнаго приложенія къ гражданскому быту мысли о равенствѣ. Намъ, нѣмцамъ, досталось нѣсколько иное назначеніе. Мы не заняты ни національными, ни социальными вопросами. Мы заняты самыми глубочайшими основами для этихъ, какъ и для всѣхъ другихъ вопросовъ нравственныхъ;—мы возвращаемся въ созерцательной области религіи. Развитіе религіозной идеи, составляющей сущность всякаго нравственнаго совершенства, выясненіе ея для всѣхъ другихъ народовъ,—вотъ наша историческая задача». Не такъ говорили сами нѣмцы до послѣдняго времени. Не таковы начала ихъ религіи, какъ увидимъ; — не къ тому ведетъ она.... Шенкелю, какъ и другимъ нынѣшнимъ Богословамъ, желающимъ

(1) Die Reformatoren und die Reformation. V. Er Schenkel. 1859.

поддержатъ разлагающійся протестантизмъ, не хочется сознаться въ его безжизненности. Цѣль его книги доказать, что идеи Лютера и Кальвина въ высшей степени жизненны для религіознаго сознанія, что доселѣ реформація не давала мира религіозному чувству потому только, что она не была понята, какъ должно и т. п. Съ мнѣніями его мы еще встрѣтимся не разъ. А теперь переходимъ къ характеристикѣ самаго протестантизма въ его первоначальныхъ обнаруженіяхъ.

Сообразно съ чисто отвлеченнымъ строемъ нѣмца, реформація Лютера — въ своемъ цѣломъ—была не что иное, какъ попытка создать отвлеченную, философическую религію,—она была протестомъ *за права разума и личнаго воззрѣнія*. Все послѣдующее развитіе протестантскихъ идей, такъ извѣстныхъ по своему философическому характеру, необходимо заключалось уже въ реформѣ Лютера, какъ въ сѣмени и зародышѣ. Шеллингова и Гегелева философія—это плоть отъ плоти и кость отъ костей Лютера и Кальвина. — Съ поразительною послѣдовательностію возникали изъ лютеранства секта за сектою, философія за фи-

лософией, изъ которыхъ каждая была дальнѣйшимъ шагомъ по пути къ философическому движенію и рационализму. Вотъ почему Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель такъ часто обращаются къ лютеранскому догмату для объясненія и развитія своихъ тезисовъ. Никогда еще не было вѣроисповѣдной формы на столько отвличенной и гибкой, въ которой всякое философическое воззрѣніе укладывалось бы съ такою свободою и легкостію, какъ лютеранское исповѣданіе.

Такова реформація по своему основному стремленію. Но философическая религія является первоначально въ формѣ христіанскаго вѣроисповѣданія, *противоположнаго католицизму*. Она ищетъ для себя основаній сначала не въ отвличенныхъ идеяхъ, не въ разумѣ, а только въ крайностяхъ другой вѣроисповѣдной формы. Въ противоположности лютеранства католичеству—и характеристика лютеранства, и вмѣстѣ начало и основа всей будущей исторіи протестантизма.

Католицизмъ отличался и отличается чисто внѣшнимъ, объективнымъ воззрѣніемъ на христіанство, не смотря на то, что въ

Догматикъ, по видимому, только въ нѣкоторыхъ предметахъ расходится съ ученіемъ древней вселенской Церкви. Онъ понялъ его практически, грубо, даже, можно сказать, матеріалистически. Царство Божіе у него обращено въ царство человѣческое и Римъ христіанскій напоминаетъ собою древній языческій Римъ съ его государственными преданіями и со всѣмъ строемъ жизни. Изъ церковной іерархіи онъ образовалъ правительство съ правами жизни и смерти надъ подданными въ смыслѣ почти языческомъ. Высшимъ и полнымъ выраженіемъ этого служитъ Папа—глава церкви, повелѣвающій міру, подобно тому, какъ Римъ повелѣвалъ нѣкогда *totu orbi terrarum*. Онъ питалъ, какъ и доселѣ питаетъ, религиозное чувство въ вѣрующихъ по преимуществу внѣшностію и бездушными церемоніями, не отвѣчающими характеру христіанскаго содержанія. Католикъ не работалъ мыслию надъ содержаніемъ христіанства, по крайней мѣрѣ ничто не возбуждало его останавливаться на внутреннемъ содержаніи его. Таково особенно было католичество въ средніе вѣка. Реформація Лютера, въ противоположность этому, стремится,

но видимому, отстаютъ права духа и мысли; подавить виѣшнее, грубое воззрѣніе. Но, увлекаясь противорѣчіемъ католицизму, реформаторы не оставляютъ мѣста ни для чего виѣшняго, а на мѣстѣ гнета и насилія ставятъ чистый произволь и безграничную свободу, даютъ полный просторъ чисто личному, произвольному воззрѣнію. Является такимъ образомъ папство въ иномъ видѣ, перенесенное съ одного лица на всѣхъ.

Эта діаметральная противоположность лютеранства католицизму проходитъ чрезъ всѣ своеобразныя положенія Лютерова катихизиса и догматики. Согласно съ своимъ чисто виѣшнимъ воззрѣніемъ — католикъ только рабски смотрѣлъ на свои отношенія къ Спасителю. Онъ думалъ, что между нимъ и Божественнымъ Искупителемъ нѣтъ и не можетъ быть живаго внутренняго союза, онъ былъ убѣжденъ, что нужно умиловлять Его—подобно тому, какъ это дѣлается въ отношеніи къ земнымъ царямъ и владыкамъ, что нужно платить подати Его намѣстнику, приносить жертвы и дары и *ничего больше*..... О любви, которая связываетъ съ Нимъ міръ человѣческой, о благодатномъ внутреннемъ общеніи съ Нимъ

въ духѣ онъ не слышалъ или почти не слышалъ. Въ противоположность съ этимъ Лютеръ только и говоритъ, что объ этомъ невидимомъ, духовномъ и свободномъ союзѣ со Христомъ, и мысль объ этомъ свободномъ союзѣ христіанина со Христомъ ставитъ во главу своего религіознаго возрѣнія. За мыслию о духовной свободѣ онъ ничего уже не видитъ, во имя ея онъ отвергаетъ все противоположное ей въ самомъ корнѣ и основѣ, противопоставляя права личности авторитету іерархіи во всей возможной широтѣ.

Личное чувство руководитъ имъ и въ тотъ начальный моментъ, когда въ душѣ его зараждается сомнѣніе въ истинности папства и католичества..... Чувство тяжести подвиговъ, высокихъ и святыхъ, на которые онъ обрекъ себя необдуманно, вотъ исходъ всѣхъ его размышленій, выродившихся послѣ въ цѣлое религіозное возрѣніе. «Я не знаю, говоритъ онъ подъ влияніемъ этого чувства, Бога Карателя..... Богъ христіанскій есть Богъ любви» и т. п. Такъ доходитъ онъ до своего основнаго догмата объ оправданіи личною вѣрою въ противоположность всякому подвигу и стѣ-